

МРНТИ: 06.52.45
JEL Classification: E6

ВОЗДЕЙСТВИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ АНТИКРИЗИСНЫХ ПРОГРАММ НА КРИМИНОГЕННУЮ АКТИВНОСТЬ В КАЗАХСТАНЕ

С. Г. Буянский¹, А. С. Шенин¹

¹ Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследований – выявить взаимосвязи между динамикой криминальной активности и негативными проявлениями в экономике на примере предыдущих экономических кризисов 2008-2010 и 2014-2016 гг., а также влияния антикризисных программ на нивелирование последствий кризисов с возможностью экстраполяции полученных результатов на события пандемии 2020 г.

Методология. В целях исследования перспектив роста криминальной активности в Казахстане исследователи используют исторический и сравнительный методы исследования на основе официальных статистических данных и материалов официальных органов.

Оригинальность/ценность исследования. Полученные результаты помогают понять, как меняется уровень преступности в период экономических кризисов и какие факторы влияют на ее динамику.

Результаты исследований. Авторами были выявлены взаимосвязи между преступностью и экономическими кризисами в Республике Казахстан. Так, на практике оказалось, что в 2008-2010 и 2014-2016 гг. преступность пошла на спад, однако данный процесс был связан исключительно с масштабными денежными вливаниями в экономику со стороны правительства в рамках антикризисных программ. Затем, после завершения государственных программ преступность или немного растет, или остается на одинаково высоком уровне. На момент экономического кризиса на фоне пандемии коронавируса в 2020 г. наиболее популярные категории правонарушений – кражи, мошенничество, грабеж и разбой сдерживаются под влиянием помощи населению от государства.

Выводы могут быть использованы государственными органами и частным сектором при планировании долгосрочных стратегий или политики действий.

Ключевые слова: криминогенная активность, государственная поддержка, кризисы, кражи, коронавирус.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема исследования. Сложная ситуация в экономике Республики Казахстан на фоне пандемии коронавируса в 2020 г. подталкивает экспертов к мысли, что вслед за растущей безработицей может начаться и рост криминальной активности. «Негативные процессы, естественно, будут сопровождаться сокращением количества активных предприятий и рабочих мест, безработицей, падением доходов населения. А там недалеко и до социальной напряженности, массовой депрессии, ухудшения условий жизни, роста уровня преступности, резкого увеличения потребления алкоголя», – опасаются аналитики Центра исследований прикладной экономики, оговариваясь при этом, что еще никогда экономические проблемы не сопровождалась пандемией, чье влияние на население пока что не может быть изучено [1]. Согласно прогнозам МВФ, сделанных в апреле 2020 г., последствия кризиса в Казахстане могут привести к сокращению экономики на 2,5 процента, рост потребительских цен на 1,7 процента, увеличение бюджетного дефицита более чем на три процента и рост безработицы с 4,8 до 7,8 процента к концу 2020 г. [2].

Об этом же говорит и экономическая теория преступности, которая декларирует два ключевых принципа, согласно которым люди совершают правонарушения. Первый утверждает, что если прибыль от правонарушения превосходит наказание, то оно будет совершено. Второй – что на фоне не-

гативных изменений в экономике и при росте безработицы отдельные граждане будут готовы скорее рискнуть лишением свободы или другим наказанием в погоне за прибылью от незаконной деятельности, чем работать официально, но за низкую зарплату.

Понимание взаимосвязи между экономическими кризисами и динамикой преступности в Казахстане может дать правоохранительным органам и государству инструменты, позволяющие прогнозировать социально-экономическую ситуацию в стране в долгосрочной перспективе.

Актуальность исследования. Данное исследование представляется крайне актуальным на фоне массового закрытия предприятий на карантин в период пандемии коронавируса в Республике Казахстан. Несомненно, на данный момент доступны не все данные, а влияние кризиса на безработицу не перешло критические границы. Ввиду этого, внимание исследователей сосредоточено на социально-экономической ситуации в период предыдущих экономических кризисов в Казахстане – последствий мирового финансового 2008-2010 гг. и структурного 2014-2016 гг. Историческая перспектива позволяет экстраполировать полученные данные на кризис 2020 г. и сделать определенные выводы в вопросе динамики преступности в текущий момент.

Новизна исследования. Сегодня в Казахстане прогнозы о росте преступности на фоне карантина делаются, в основном, на основе экономической теории преступности и интуитивных утверждений. Более конкретно можно говорить об изменениях в динамике отдельных категорий преступности, например, росте числа правонарушений в семейно-бытовой сфере, связанного с вынужденным карантином. Однако и здесь не все так просто, поскольку можно заметить стремительное расхождение официальной статистики с публикациями в СМИ. К примеру, правозащитники из движения #НемолчиKZ сообщают о 12 тыс. случаев бытового насилия в апреле, в то время как официальная статистика с портала Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан говорит лишь о 296 зарегистрированных правонарушениях в семейно-бытовой сфере за 4 месяца 2020 г. [3]. Таким образом, аналогов данного исследования на данный момент нет.

Наиболее полное исследование зависимости экономики и преступности в Республике Казахстан провели в рамках работы «Преступление и наказание» в Центре прикладных исследований «Преступление и наказание» в сентябре 2019 г., однако на тот момент пандемия коронавируса в мире еще не наступила [4].

Исследовательской стратегией является выявление воздействия антикризисных мероприятий проводимых Правительством Казахстана в 2008-2010 и 2014-2016 годах, на криминогенную обстановку в стране. В дальнейшем, полученные результаты экстраполировать на ситуацию 2020 г. для оценки возможности роста криминогенной активности в рамках экономического кризиса, вызванного пандемией коронавируса.

Обзор литературы. В зарубежной и отечественной научной литературе вопрос взаимосвязи роста числа правонарушений и ухудшением экономической ситуации в стране изучен достаточно хорошо. Однако единого мнения о наличии или отсутствия данной взаимосвязи нет, поскольку разные страны, разные сектора экономики и разные возрастные группы могут демонстрировать принципиально различные данные. Также, в рамках исследования сложно учесть такие факторы, как культура, воспитание или влияние семьи в качестве сдерживающих факторов преступности.

Важное исследование «Identifying the Effect of Unemployment on Crime» провели С. Рафаль и Р. Винтер-Эмбер. В своей работе эксперты проанализировали данные по насильственной и имущественной безработице в США в период с 1971 по 1997 г. и пришли к выводу, что снижение уровня безработицы на 1 % приводит к снижению уровня имущественной преступности на 1,6-2,4 % и насильственной преступности на 0,5 % [5]. Однако, при этом авторы оговариваются, что они очень внимательно проанализировали данные по потреблению наркотиков, алкоголя и доступа к оружию – факторов, которые раньше, по их утверждениям, в расчет не брались. В качестве мер по сдерживанию безработицы учитывались такие ситуативные факторы, как скачки цен на нефть и госзаказы в военно-промышленном секторе.

Еще одна выдающаяся работа коллектива авторов Э. Голда, Б. Вейнберга и Д. Мастарда под названием «Crime Rates and Local Labor Market Opportunities in the United States: 1979-1997» также ищет зависимость между преступностью и безработицей, но в отличие от других исследований акцентирует свое внимание на молодых, низкоквалифицированных работниках, особенно в сфере ритейла. Одно из центральных мест исследования заняла обработка данных по годовому доходу граждан США с учетом образования и отрасли [6].

Крайне важное исследование «Economic Downturns and Crime» провела американский исследователь К. Финкли. В своей работе она проанализировала рост преступности во время шести экономических спадов в период с 1960 по 2007 гг., и обнаружила отсутствие прямой закономерности между уровнем безработицы и уровнем преступности. Взамен, она предположила, что вероятно на рост преступности влияет не отсутствие занятости, а наличие возможностей для совершения правонарушений, т.е. если большинство населения постоянно находится дома, то вероятность квартирных или домовых краж резко снижается, равно как и карманные кражи в транспорте. Относительно же макроэкономической статистики, которую Финкли использовала в своей работе (ВВП, уровень безработицы, количество правонарушений), исследовательница отмечает, что эти агрегированные данные собраны для очень разных групп населения, что не дает возможности четко ответить на вопрос: «Какая из групп населения согласится пойти на правонарушение в случае потери работы?» [7].

Действительно, вероятность того, что врач или юрист, или инженер решится пойти на правонарушение, рискуя быть пойманным и поставить крест на дальнейшей карьере, гораздо ниже, чем в случае маргинальных слоев населения. Зависимость количества правонарушений от множества других факторов кроме уровня безработицы (пол, возраст, профессия) отмечает и исследователь из Университета Миннесоты К. Угген в работе «Crime and the Great Recession» [8]. Анализируя период 2007-2010 гг. в США на фоне бушующего экономического кризиса, он отметил, что вопреки всем предположениям уровень правонарушений не повысился, что полностью противоречит базовым постулатам экономической теории преступлений.

Еще одну важную работу провели Ф. Кук и Г. Заркин в своем исследовании «Crime and the Business Cycle», в которой они выделили четыре фактора, способных повлиять на рост преступности вследствие экономических проблем: возможность для трудоустройства, возможность для криминала, потребление алкоголя, наркотиков и доступ к оружию, а также эффективность работы правоохранительных органов [9].

Достаточно интересной с точки зрения понимания процессов взаимосвязи роста преступности и сложной экономической ситуации выглядит статья Н. Подольного и Н. Подольной «Взаимосвязь уровня преступности и экономической пассивности населения на рынке труда». В статье отмечается, что бедность и снижение доходов – это ситуация, которая стимулирует людей к поиску новой работы или повышению квалификации [10]. Обратной стороной этого феномена является экономическая пассивность или нежелание становиться частью рабочей силы, порождает, полагают авторы, стремление у отдельных групп (особенно, молодежи) к совершению правонарушений в качестве возможности заявить о себе, найти себе занятие, удовлетворить социальные потребности. Речь идет о массовых беспорядках, хулиганстве, вандализме, экстремизме и даже вовлеченности в террористическую деятельность. Случаи же совершения правонарушений как акта отчаяния, отсутствия возможности устроиться хоть на какую-то работу, по словам автора, встречаются, но не носят массового характера.

Крайне важно отметить работу Андриенко Ю. В. «В поисках объяснения преступности в России в переходный период: криминометрический подход», в которой он исследовал криминогенную обстановку в 70 российских регионах в тяжелые 1990-1998 гг. [11]. Автор отмечает, что стабильная социальная атмосфера в обществе не ведет к росту преступности на фоне кратковременных экономических потрясений. Более того, даже выдающийся рост ВВП в 8 % в России в 2000 г. привел к снижению уровня преступности всего на 2 % при одновременном увеличении правонарушений против собственности и уменьшении насильственных преступлений. Автор заключает, что гораздо больший ущерб несут в себе социально-экономические и демографические индикаторы, такие как потребление алкоголя или доля одиноких мужчин и решение проблемы преступности лежит вовсе не в экономической плоскости.

Среди работ казахстанских ученых особенно выделяется работа Центра исследований прикладной экономики «Преступление и наказание», проведенная в сентябре 2019 г. [12]. В своей работе авторы провели эконометрический анализ огромного массива данных, который показал зависимость между количеством преступлений и такими переменными, как финансирование правоохранительных органов, рост числа приезжих, рост производства алкогольных напитков, увеличение выпускников колледжей и социальное расслоение. В данный момент к результатам работы Центра прикладных исследований добавляется еще один важный фактор – экономический эффект от пандемии коронавируса COVID-19, который должен несколько скорректировать цифры, но на какую величину – на момент мая 2020 г. еще неизвестно.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология. Основными источниками информации служат официальные макроэкономические показатели и статистические данные по правонарушениям в периоды кризисов 2008-2010 гг. и 2014-2016 гг. Анализ и сравнение экономической и криминальной обстановки в Казахстане в условиях предыдущих кризисов призваны продемонстрировать наличие или отсутствие зависимости между ухудшением экономической обстановки в стране и ростом числа правонарушений.

Текст работы разделен на следующие разделы в хронологическом порядке: кризис 2008 г. и его последствия, кризис 2014 г. и его последствия, а также прогнозы на 2020 г. Каждый из разделов включает в себя описание обстановки, анализ ключевых макроэкономических показателей, анализ принятых правительством мер, динамику правонарушений и взаимосвязь экономики и криминала. Несмотря на то, что каждый из трёх кризисных периодов отличается друг от друга, последствия для экономики у всех были одинаковы – снижение предпринимательской активности, рост безработицы и падение доходов. Соответственно, в каждый из указанных периодов возникали условия для роста криминальной активности.

Основным источником информации выступает официальная статистика органов Правительства Республики Казахстан, Комитета по правовой статистике и специальным учётам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, данные республиканских и международных общественных организаций, сообщения СМИ, а также результаты исследований ученых и экспертов в Казахстане и за рубежом.

Кризис 2008 г. и последствия для Казахстана. Импульсом для развития мирового финансового кризиса 2008 г. стал высокий уровень токсичных активов на рынке ипотечного кредитования в США. Отголоски закона Грэма-Лича-Блайли, принятого в США в 1999 г., отменили ряд ограничений по функционированию банков и рынка ценных бумаг, установленных в период Великой депрессии законом Гласса-Стигола от 1933 г. Снижение контроля за банковской сферой и рынком ценных бумаг привело к появлению множества «финансовых пузырей», один из которых – «пузырь» ипотечного кредитования – лопнул в конце 2007 г., похоронив под собой один из крупнейших банков США «Lehman Brothers» с долгами в 613 млрд долларов и ознаменовав начало кризиса, получившего название «Великая Рецессия».

Для всего мира кризис банковской сферы в США продемонстрировал «перегретость» рынка и слабый контроль за его механизмами (включая мошенничество крупных финансовых игроков), что привело к потере доверия к ряду американских и мировых финансовых институтов, даже таких крупных, как Федеральная резервная система (ФРС) и Международный валютный фонд (МВФ). Результатом стало резкое падение котировок на фондовых биржах и сжатие возможностей по кредитованию. Индекс Dow Jones упал в сентябре 2008 г. за день на 500 пунктов, что было сравнимо с падением после терактов 11 сентября 2001 г., еще за три дня фондовые рынки потеряли 2,85 трлн. долл., а цена на нефть марки Brent упала со 143 долларов за баррель в июле до 40-50 долларов в декабре 2008 г.

Казахстан, как страна, ориентированная на экспорт углеводородов с развитым финансовым и банковским сектором, оказалась больше подвержена кризисным проявлениям, чем другие страны Центральной Азии – Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан. Приток валюты от высоких цен на нефть поддерживал уверенный экономический рост экономики страны, активно развивался сек-

тор строительства – в 2007 г. было введено 3856 тыс. кв. м. жилья, что в 3,5 раза больше, чем в 2001 г. [13]. Развитие строительного кластера производилось во многом за счет кредитов банкам второго уровня (БВУ), которые, в свою очередь получали средства от иностранных банков. Но опасаясь развития ипотечного кризиса в Казахстане, зарубежные банки перестали кредитовать казахстанские БВУ, что привело к «заморозке» многих строительных объектов и падению акций казахстанских банков в цене. Финансирование отрасли упало почти на 30%, а долг банковского сектора вскоре вырос до \$40 млрд. Так кризис пришел в Казахстан.

По итогам 2008 г. темпы роста ВВП замедлились почти в три раза по сравнению с предыдущим годом – с 8,9 % до 3,3 % в год. Ожидалось, что кризис принесет за собой массовые сокращения и рост преступности среди безработных, однако по итогам кризиса уровень безработицы неожиданно упал с 7,3 % в 2007 до 5,8 % в 2010 г., в то время как количество правонарушений в целом выросло со 128 тыс. зарегистрированных правонарушений в 2007 г. до 131 тыс. в 2010 г. [14]. Удивительно, но количество правонарушений, совершаемых безработными, начало расти одновременно со снижением безработицы (в рисунке 1 представлены данные по динамике правонарушений в 2008-2013 гг. и участие безработных в совершенных преступлениях).

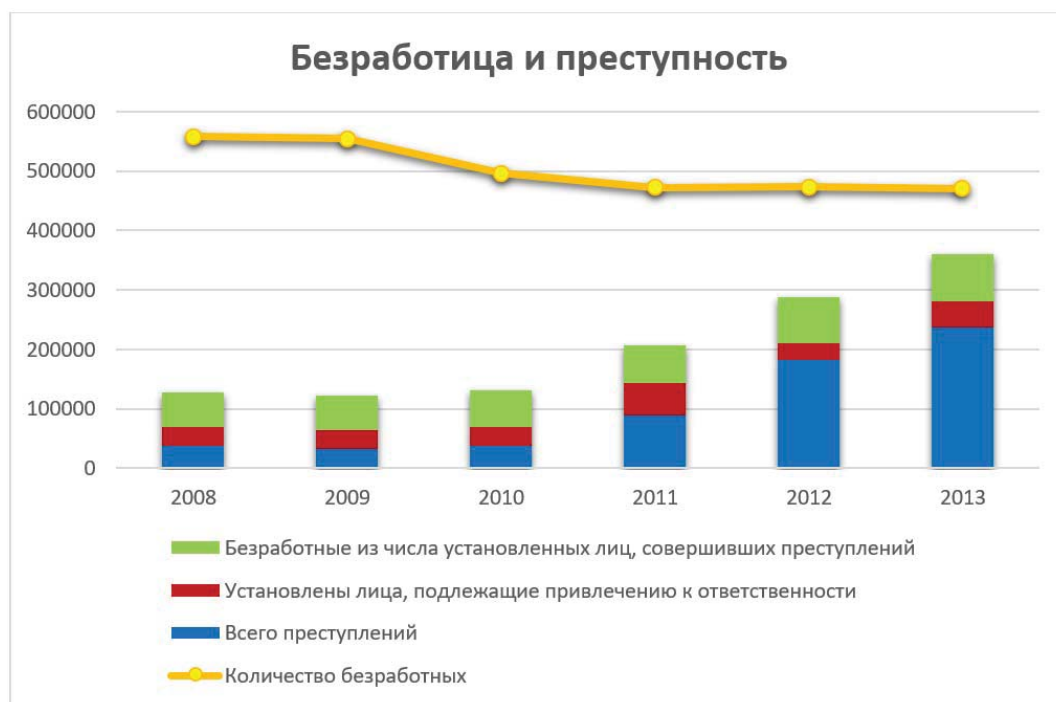

Рисунок 1 – Уровень преступности и безработицы в Казахстане в 2008-2013 гг.

Примечание – составлено авторами на основе данных из источника [14]

Также, странным выглядит тот факт, что при остановке сотен предприятий по всей стране, девальвации тенге (на 22-25 %), высоком уровне инфляции (16 % в 2008, 8 % и 7 % в 2009 и 2010 гг. соответственно), сокращениях и протестах рабочих («Куат», «Казмунайгаз»), данные официальных органов, сообщения от СМИ и общественных организаций не фиксировали наличия острых социальных проблем, связанных со снижением уровня активности в экономике. Более того, в период после острой фазы кризиса – в 2010 по 2013 г. – официальная статистика хоть и демонстрирует резкий всплеск преступности в 2,7 раза (с 131 тыс. в 2010 г. до 359 тыс. в 2013 г.), но при этом многочисленные источники также не заявляют о резком ухудшении криминогенной обстановки в стране [14].

Причиной такого несоответствия были, во-первых, пробелы в системе учета и регистрации право-

нарушений – только в 2010 г. в органах Министерства внутренних дел (МВД) были выявлены 11 тыс. случаев отказа в возбуждении уголовного дела и сокрытия заявлений от учета [15]. Начиная с 2010 г. Генеральная прокуратура Республики Казахстан и МВД начали проводить активную работу по ужесточению принципов учетно-регистрационной дисциплины, благодаря чему в 2013 г. данные официальной статистики приблизились к реальному положению дел (в рисунке 2 представлены данные по динамике правонарушений в 2008-2014 гг. по отдельным статьям). Во-вторых, статистика искажалась за счет людей, которые числились трудоустроенными, но не получали длительное время зарплату. Такие граждане не учитывались официальными органами при расчете уровня безработицы в стране.

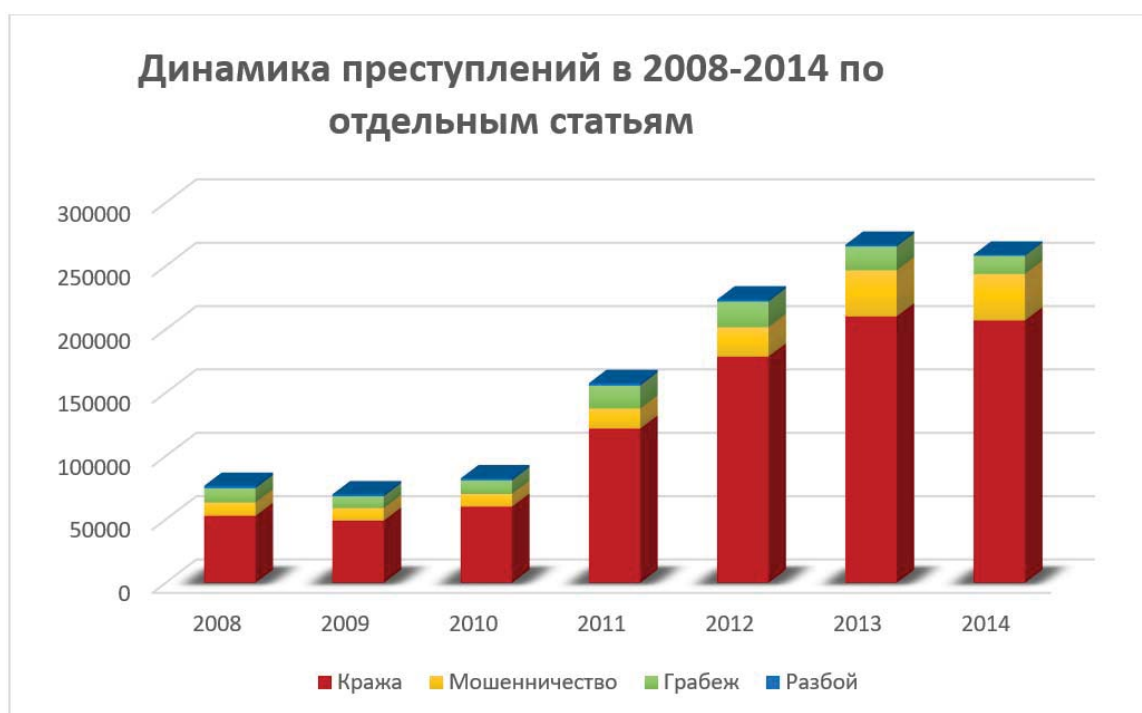

Рисунок 2 – Динамика правонарушений в Казахстане в 2008-2014 гг. по отдельным статьям
Уголовного Кодекса Республики Казахстан.

Примечание – составлено авторами на основе данных из источника [14]

Тем не менее, необходимо отметить, что несмотря на недостатки статистических данных криминальная обстановка и экономическая ситуация в стране в период острой фазы кризиса 2008-2010 гг. находилась на приемлемом для страны уровне. Одним из ключевых стабилизирующих факторов для экономики стали активные действия правительства Республики Казахстан, которое оперативно разработало и приняло ряд документов, направленных на борьбу с кризисными проявлениями в экономике.

Одним из важнейших документов, принятых Правительством Республики Казахстан стал «План первоочередных действий по обеспечению стабильности социально-экономического развития Республики Казахстан от 6 ноября 2007 г.» с общим финансированием в 10 млрд. долл. Согласно документу, средства распределялись на следующие направления для спасения экономики: стабилизация финансового сектора (4 млрд. долл.), развитие жилищного сектора (3 млрд. долл.), поддержка малого и среднего бизнеса (1 млрд. долл.), развитие агропромышленного комплекса (1 млрд. долл.), реализация прорывных инфраструктурных и промышленных проектов (1 млрд. долл.). Были приняты новый бюджетный и налоговый кодексы, пересмотрены доходы и расходы бюджета – доходы в 2009 г. сокращены на 20 % (около 2,5 млрд. долл.), расходы – на 150 млн. долл., национальный банк провел девальвацию тенге на уровне 25 % (с 120 до 150 тенге за доллар плюс-минус 5 тенге), снизил ставку рефинансиро-

вания до 9,5 % и установил гарантии по депозитам до 5 млн. тенге [16].

В социальной сфере были увеличены: размер заработной платы работникам бюджетной сферы, средний размер пенсий и стипендий студентам в 2009 году — на 25 %, в 2010 году — на 25 % и в 2011 году — на 30 %; размер прожиточного минимума и базовых пенсионных выплат с учетом их доведения до 50 % от размера прожиточного минимума; размер государственных социальных и специальных пособий, ежемесячного пособия по уходу за ребенком по достижении им одного года и размер единовременных пособий на рождение четвертого и более ребенка [17]. Указанные меры оказали позитивный эффект, поскольку цены на продовольственные товары, при этом, тоже росли примерно на 7-10 % ежегодно (в рисунке 3 указаны динамика цен и доходов населения в Республике Казахстан по категориям в 2008-2015 гг.).

В результате, за период 2008-2010 гг. правительство страны отчиталось о восстановлении экономики по целому ряду показателей. Потраченные на антикризисные меры 2,3 трлн. тенге (примерно 15 млрд. долл. по курсу тенге в 150 тг/долл.) привели к росту ВВП с 104 до 148 млрд. долл., снижению безработицы на 101 тыс. человек в абсолютных числах и снижению количества преступлений в стране на 7 % (согласно действовавшей на тот момент методике учета и регистрации правонарушений) [13; 14]. Согласно полученным данным, можно отметить, что снижение числа правонарушений коррелируется с активными денежными вливаниями в экономику со стороны государства, которые позволяют поддерживать относительно благоприятную финансовую и социальную ситуацию, занятость населения.

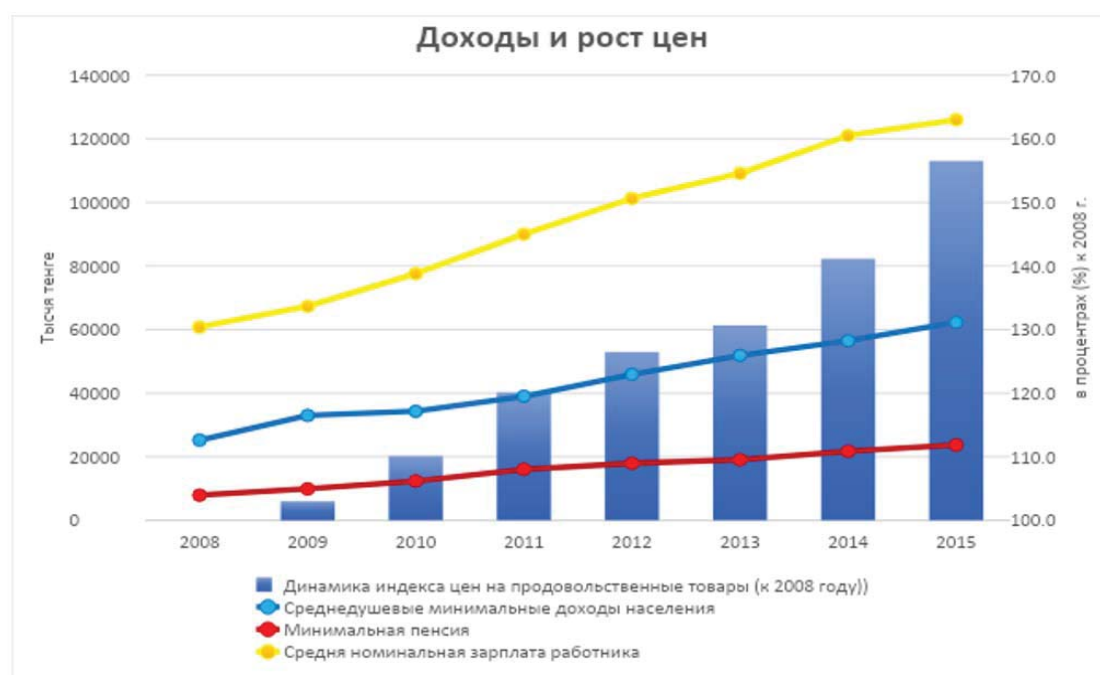

Рисунок 3 – Динамика цен и доходов населения в Республике Казахстан по категориям в 2008-2015 гг.

Примечание – составлено авторами на основе данных из источника [13]

В качестве хорошего примера противодействия экономическому кризису, можно выделить горнодобывающую промышленность и обработку карьеров, а также обрабатывающую промышленность – объемы производства несколько упали, но массовых банкротств не произошло (в рисунке 4 указан валовый выпуск отдельных отраслей в Республике Казахстан в период 2007-2015 гг.). Эксперт Джон Куртц из Университета Нью-Йорка в своей работе «Crisis and Crime: Examining the Effect of

Macroeconomic Conditions on Criminal Activity During the Great Recession» отмечал, что в период рецессии 2008 г. преступность возрастала в тех штатах, где обанкротились крупные обрабатывающие и розничные предприятия, «в результате чего многие работники с низкими доходами и с низким уровнем образования стали безработными» [18]. Потеря работы снижает альтернативные издержки преступного поведения для этих людей, что ведет к более высокому росту преступности, чем в штатах, в которых не было крупной обрабатывающей промышленности или розничной торговли. В результате, поддержка одной только горно-металлургического комплекса Казахстана, который обеспечивает работой 300 тысяч человек и дает стране более четверти промышленной продукции, оказалась весьма эффективной в борьбе с кризисом.

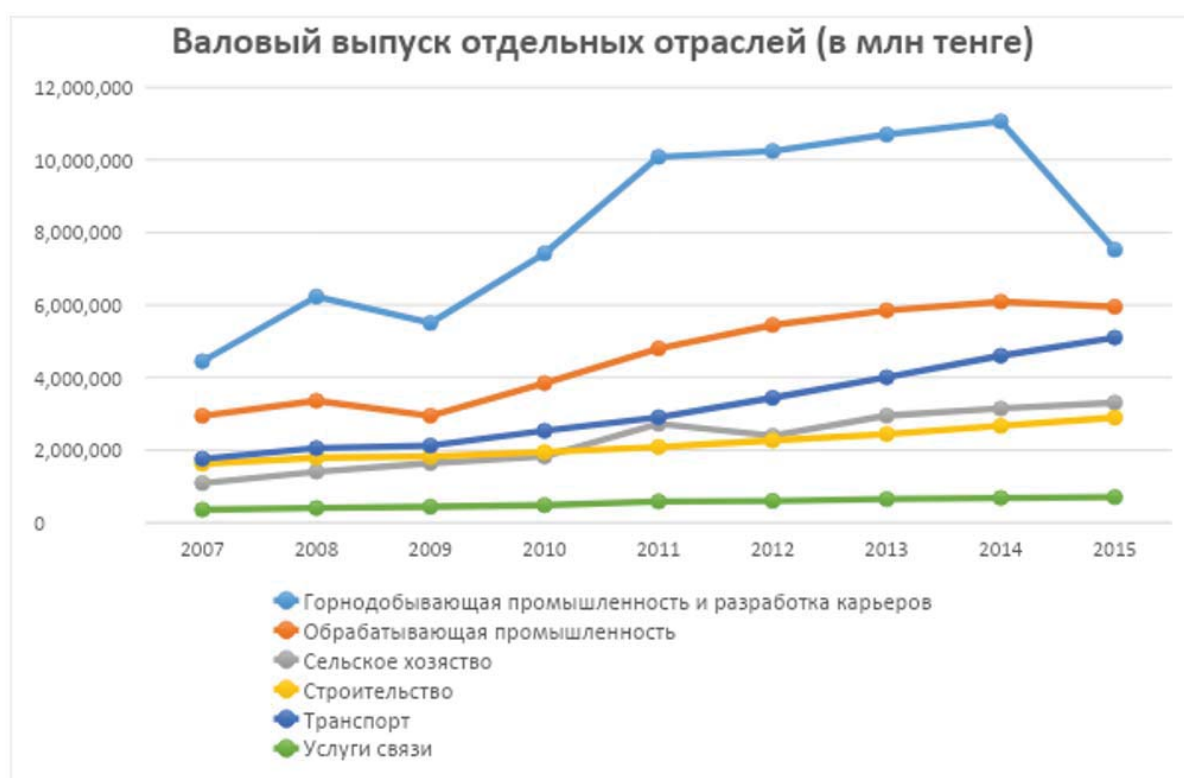

Рисунок 4 – Валовой выпуск отдельных отраслей в Республике Казахстан в период 2007-2015 гг.
Примечание – составлено авторами на основе данных из источника [13]

В итоге, в период экономического кризиса 2008-2010 гг. удалось избежать резких социально-экономических потрясений за счет активных прямых и косвенных финансовых вливаний, и непосредственного вмешательства государства в экономику. Большую роль сыграли *резервы*, накопленные в период высоких цен на нефть – 28 млрд. долларов (4,2 трлн. тенге при курсе в 150 тенге за 1 доллар) на 1 января 2009 г. только в одном Национальном фонде и *широкие возможности для девальвации тенге*, позволившие в дальнейшем компенсировать расходы на антикризисные меры за счет восстановления цен на нефть на мировом рынке.

Тем не менее, несмотря на колоссальные усилия правительства, принципиальной перестройки казахстанской экономики не произошло. В период острой фазы кризиса 2008-2010 гг. и после нее преступность продолжала расти, однако учитывая принципиальные изменения в системе учета и регистрации правонарушений, мы не можем утверждать, что основным фактором для этого были именно экономические потрясения. Тем не менее, анализ политики правительства в 2008-2010 гг. дает важное

понимание алгоритма действий, которого придерживались власти в момент кризиса 2014-2016 гг. В этот период правоохранительные органы вели достаточно прозрачную и четкую систему учета правонарушений, что позволяет нам выстраивать более четкую корреляцию между кризисными явлениями в экономике, антикризисными мерами и динамикой правонарушений.

Кризис середины 2010-х гг. В период между двумя кризисами экономика страны активно развивалась, росла средняя заработная плата и ВВП. Так, средняя зарплата на одного работника выросла с 77,6 тысяч тенге (\$527) в 2010 г. до 121,02 тысячи тенге (\$675) в 2014 г., в то время как ВВП прибавлял ежегодно от 4 до 7 % [13]. Тем не менее, принципиальной перестройки экономики и оздоровления финансовой системы так и не произошло. По этой причине кризис середины 2010-х гг. можно считать продолжением предыдущего кризиса, а не отдельным процессом. На мировом рынке кризис начался в июле-августе 2014 г. с падения цен на нефть с отметки 111 долл./барр. до 30 долл./барр. в 2016 г., а в Казахстане видимой датой кризиса стало 20 августа 2015 г., когда казахстанский тенге был отправлен в свободное плавание и за день упал со 173 до 255 тенге за доллар.

Ранее, 11 февраля 2015 г. на расширенном заседании правительства президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев заявил, что «в нашей казахстанской экономике, как таковой, отдельного кризиса нет. Глобальный кризис имеет внешний фактор» [19]. Такими факторами были названы падение цен на нефть – почти в два раза в период с июня 2014 г. по февраль 2015 г., снижение цен (и спроса) на основные экспортные товары, а также девальвация российского рубля. В свою очередь, на рынок нефти повлияли развитие новых технологий добычи, энергосбережения и альтернативных источников энергии, ожидание падения спроса в Китае из-за снижения темпов роста, решение основных членов ОПЕК вместо поддержания цены удерживать свою долю рынка (в последние несколько лет она падала из-за входа новых игроков), а также решение США начать экспорт нефти. Дополнительно отмечалось, что мировая экономика так и не вышла из кризиса 2008 г., что означает сохранение таких проблем, как растущее неравенство, высокую разницу доходности между инвестициями в капитал и инвестициями в производство, недостаток регулирования финансового сектора и т.д. В Казахстане экономика также не подверглась принципиальным структурным изменениям после выхода из острой фазы финансового кризиса 2008-2010 гг.

Ситуация становилась все более напряженной – за 10 месяцев 2015 г. международные резервы Казахстана сократились на \$1 млрд., составив на начало октября \$28,2 млрд., доходы в бюджет сократилось на 40 % из-за снижения цен на энергоносители, а вследствие перехода к свободному плавающему курсу тенге упал к доллару на 51,9 %, к евро – на 42 %, к российскому рублю – на 42 %. По итогам 2015 г. рост ВВП Казахстана замедлился до 1,2 % по сравнению с 4,3 % годом ранее. Безработица, правда, оставалась на достаточно низком уровне в 4,9 % на момент октября 2015 г. [20].

Во избежание дальнейшего развития кризиса в экономике, правительство инициировало принятие целого ряда документов, которые должны были не только способствовать развитию экономики страны, но и повысить ее устойчивость перед лицом будущих кризисов. Среди них: Антикризисный план действий Правительства Республики Казахстан и Национального Банка Республики Казахстан по обеспечению экономической и социальной стабильности на 2016-2018 гг. (более 4,5 трлн. тенге); План дополнительных оперативных антикризисных мер на 2016 год (2 трлн. тенге); Нурлы Жол на 2015-2019 гг. (7,6 трлн. тенге на весь период); План Нации – 100 конкретных шагов по реализации Пяти институциональных реформ (2015 г.); Антикоррупционная стратегия 2015-2025; Государственная программа индустриально-инновационного развития 2015-2025 г. (4,5 трлн. тенге на весь период). Всего на антикризисные меры было потрачено порядка 10 трлн. тенге, из которых на пиковый кризисный период 2009 г. было потрачено 2,3 трлн. тенге. Однако суммы, потраченные на борьбу с двумя разными кризисами, сложно сравнивать, поскольку в предыдущий кризис деньги были направлены на меры поддержки, в то время как в 2016-2018 гг. еще и на широкомасштабное инфраструктурное развитие экономики.

Одновременно с инициированием государственных антикризисных программ (включая и девальвацию тенге), в период 2016-2019 гг. можно наблюдать серьезное снижение количества правонарушений

– с 368 тыс. случаев в 2016 г. до 243 тыс. в 2019 или на 34 %. Среди самых массовых категорий, кражи упали с 216 тыс. до 139 тыс., мошенничества – с 37 до 32 тыс., грабеж – с 4,8 тыс. до 3,8 тыс., а разбой с 900 до 452 случаев в год (в рисунке 5 отражена динамика преступлений в 2010-2018 гг. по отдельным статьям).

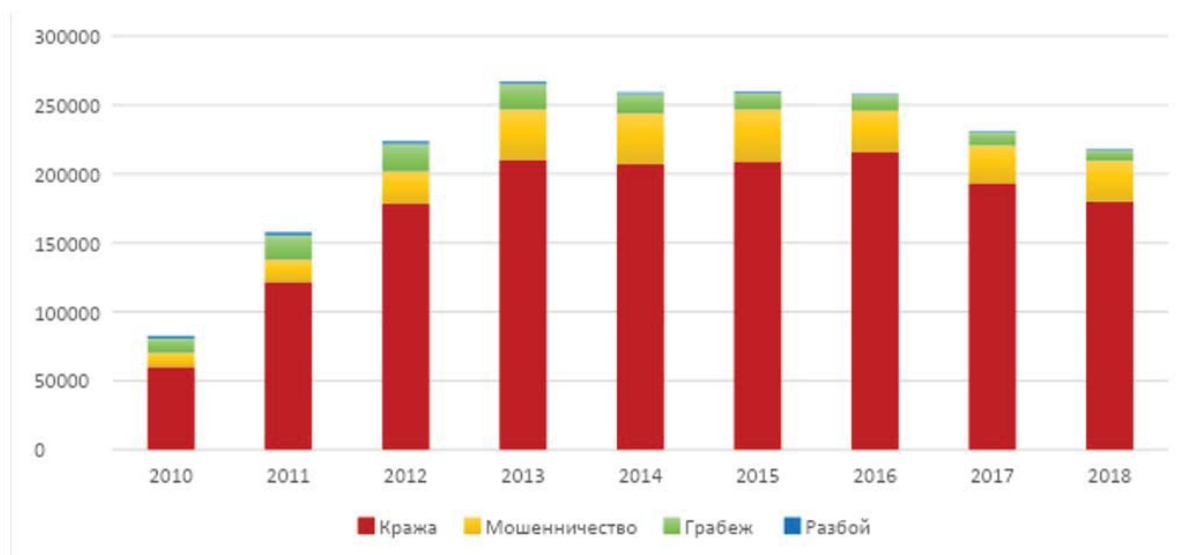

Рисунок 5 – Динамика преступлений в 2010-2018 гг. в Казахстане по отдельным статьям Уголовного Кодекса Республики Казахстан.
Примечание – составлено авторами на основе данных из источника [14]

Но здесь важно отметить одну негативную тенденцию – вместе с общим снижением правонарушений, в том числе совершенных безработными (с 98 тыс. до 82 тыс. случаев), остаются отдельные категории преступлений, которые на 90-95 % совершаются безработными, например, «разбой». Его доля в общем количестве преступлений незначительна (порядка 1000 случаев в год) и едва заметна на рисунке 5, но тем не менее, эта статистика сохраняется из года в год [14].

Во многом, успех в деле сдерживания роста безработицы и снижения числа безработных среди преступников может быть объяснен различными государственными программами по трудоустройству («Программа занятости-2020», «Дорожная карта занятости-2020», «Дорожная карта занятости-2020 в новой редакции», «Программа развития продуктивной занятости и массового предпринимательства»), которые способствуют обучению, переобучению и созданию рабочих мест. Однако цифры в 80-90 тыс. безработных преступников на 2019 г. остается очень высокой, учитывая, что на их долю приходится в разное время от 60-80 % правонарушений, в которых были установлены лица, подлежащие привлечению к ответственности. Таких установленных правонарушений – около 50 % от общего числа, остальные – не раскрыты.

В целом, можно отметить, что острую фазу кризиса 2014-2016 гг. Казахстан пережил без серьезных потрясений и без ухудшения криминогенной обстановки. Наоборот, с момента реализации масштабных антикризисных программ общее количество правонарушений пошло на спад, раскрытых эпизодов с участием безработных – тоже. Ввиду этого, мы можем говорить о том, что тезис о взаимосвязи снижения уровня преступности и финансовых вливаний со стороны правительства Казахстана в кризисные периоды подтверждается.

Пандемия коронавируса 2020 г. и преступность. В 2020 г. Казахстан вновь столкнулся с влиянием мировых кризисных процессов, на этот раз – эпидемиологических. Пандемия коронавируса COVID-19 вынудила правительство оперативно ограничить экономическую деятельность в стране, что

в результате привело к приостановке работы 300 тысяч предприятий, которые обеспечивали занятость почти 40 % экономически активного населения страны [21]. Были объявлены режимы Чрезвычайной ситуации, строгий карантин и разработан Комплексный план по восстановлению экономического роста до конца 2020 года на общую сумму в 5,9 трлн. тг., из которых на финансирование Дорожной карты занятости с расчетом на создание 250 тыс. рабочих мест предусмотрен 1 трлн. тенге [22].

Однако на данный момент данные показывают, что в связи с введением карантинных мер, в период марта-апреля без доходов осталось примерно 4,2 млн. человек – примерно 40 % экономически активного населения. После снятия карантина 11 мая большая часть вернулась к работе и количество «технически безработных» к июню составило 735 тыс. Но в министерстве труда и социальной защиты населения настроены оптимистично, ожидая безработицу на уровне 6,1 % к концу 2020 г. (или около 600 тыс. человек).

Делать выводы по преступности в 2020 г. преждевременно, однако можно заметить, что официальная статистика правонарушений по Казахстану по месяцам в течение года не превышает уровень последних 3-х лет. За 4 месяца совершено примерно 100 тыс. правонарушений, которые примерно соответствуют данным за аналогичный период 2017, 2018 или 2019 г. как по количеству, так и по структуре. Единственно, важно подчеркнуть, что данные о преступности от независимых СМИ и общественных организаций все же существенно отличаются от официальных, что дает дополнительное поле для исследований после окончания острой фазы пандемии [3].

Уникальной характеристикой кризиса 2020 г. в Казахстане является механизм карантина, при котором массово закрываются заведения сферы услуг – рестораны, кафе, фитнес-клубы и торговые центры. В городе Алматы этот сектор достигает почти 17 %, или каждый шестой занятый житель города [23]. В течение нескольких месяцев режима карантина, правительство республики выплачивало всем гражданам, потерявшим работу, социальное пособие в 42 500 тенге.

В результате, в условиях карантина малый и средний бизнес не имеет возможности функционировать и вряд ли сможет восстановить свои позиции в ближайшее время. Важно отметить, что при этом количество зараженных продолжает увеличиваться, что говорит о продлении карантинных мер в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Соответственно, безработица будет расти.

Опираясь на предыдущие кризисы сегодня можно прогнозировать, что, если государство продолжит вливать деньги в экономику в виде дотаций и социальных пособий резкого роста преступности (в первую очередь, уличной) не произойдет. Плюс, домашние хозяйства помогут оттянуть «спокойный» период до поздней осени, но дальше при условии сохранения тяжелой экономической ситуации и снижении финансовой поддержки со стороны правительства можно ожидать стабильный рост правонарушений, в первую очередь – краж.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

В целом, несмотря на тот факт, что все три кризиса принципиально отличаются друг от друга своей природой, они несут одинаковые негативные экономические последствия для экономики. Столкнувшись с влиянием глобальных процессов в 2008-2010 гг., правительство Республики Казахстан направило масштабные финансовые ресурсы на поддержание экономики через государственные программы, что привело к стабилизации социально-экономической обстановки. Рост преступности в цифрах официальной статистики оказался связан не с кризисными явлениями, а с ужесточением учетно-регистрационной дисциплины и борьбой со скрытием преступлений. На практике, согласно официальным данным и сообщениям СМИ, резкого всплеска криминальной активности не произошло, более того, власти заявляли о снижении количества преступлений на 7 % в период 2008-2010 гг. Таким образом, антикризисные меры указанного периода оказали положительное воздействие на устранение симптомов кризиса и стабилизацию социальной обстановки в стране.

В дальнейшем, в период кризиса 2015-2016 гг. власти вновь повторили примерно тот же набор антикризисных мер, благодаря чему можно снова наблюдать падение криминальной активности. Эффект от принятых мер действовал вплоть до последней официально объявленной статистике преступлений

за год в 2019 г.

В рамках борьбы с экономическим кризисом на фоне пандемии коронавируса в 2020 г. правительство Республики Казахстан изначально избрали подход введения режима ЧС и карантина с одновременной финансовой поддержкой населения и предприятий. Однако, когда ситуация стала ухудшаться, то были приняты крупномасштабные документы, во многом аналогичные проектам антикризисных мер поддержки в 2008-2010 и 2014-2016 гг. Тем не менее, говорить об эффективности принятых мер преждевременно.

Однако, анализируя предыдущие кризисы, нельзя не учитывать, что масштабные денежные вливания в экономику через ряд антикризисных инструментов требует высокого напряжения от государственного бюджета. Как результат, после очередного кризиса страна становилась свидетелем проведения нового раунда девальвации тенге, позволяющего компенсировать снижение поступлений в бюджет. Практика показывает, что принимаемые меры позволяют стабилизировать обстановку, но не приводят к структурной перестройке экономики, что не позволяет ей эффективно подготавливаться к будущим кризисам и создать возможности для предотвращения роста криминальной активности.

Текущий анализ показывает, что в периоды кризиса количество преступлений снижается ввиду реализации масштабных государственных программ, но после их окончания – вновь начинает расти. Сегодня Казахстан находится в фазе активного вливания денег в экономику, но маловероятно, что на фоне невысоких цен на нефть и отсутствия структурных изменений экономика сможет демонстрировать устойчивое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пандемия и преступность: затишье перед бурей? [Электронный ресурс]. // Сетевое издание «Central Asia Monitor». – 2020. – URL: <https://aerc.org.kz/news/pandemija-i-prestupnost-zatishe-pered-burej> (дата обращения: 04.06.2020).
2. World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown [Электронный ресурс]. // International Monetary Fund [Официальный сайт]. – 2020. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (дата обращения: 10.07.2020).
3. Бытовое насилие в Казахстане: «Все это свалилось на нас буквально за месяц» [Электронный ресурс]. // Организация объединенных наций – ООН [официальный сайт]. – 2020. URL: <https://news.un.org/ru/interview/2020/05/1377672> (дата обращения: 08.07.2020).
4. Преступление и наказание: эмпирический анализ по данным Казахстана [Электронный ресурс] // Центр исследований прикладной экономики [официальный сайт]. – 2019. – URL: <https://aerc.org.kz/articles/ekonomicheskie-issledovaniya/prestuplenie-i-nakazanie> (дата обращения: 05.05.2020).
5. Raphael S., Winter-Ebmer R. Identifying the Effect of Unemployment on Crime // *The Journal of Law and Economics*. – 2001. – Vol. 44 (1). – P. 259–283. – DOI: 10.1086/320275
6. Gould E., Mustard D., Weinberg B. Crime Rates and Local Labor Market Opportunities in The United States: 1979-1997 // *Review of Economics and Statistics*. – 2002. – Vol. 84 (1). – P. 45–61. – DOI: 10.2139/ssrn.121969
7. Finklea K. Economic Downturns and Crime [Электронный ресурс] // Congressional Research Service [веб-сайт]. – 2011. – URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R40726.pdf> (дата обращения: 05.07.2020).
8. Uggen C. Crime and the Great Recession [Электронный ресурс] // The Stanford Center on Poverty and Inequality. – 2012. – URL: https://inequality.stanford.edu/sites/default/files/Crime_fact_sheet.pdf (дата обращения: 05.07.2020).
9. Cook P., Zarkin G. Crime and the Business Cycle // *The Journal of Legal Studies*. – 1985. – Vol. 14. – No. 1. – P. 115–128.
10. Подольный Н., Подольная Н. Взаимосвязь уровня преступности и экономической пассивности населения на рынке труда // *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2018. – № 1

(45). – С. 57–66.

11. Андриенко Ю. В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход // Экономический журнал ВШЭ. – 2001. – № 2. – С. 194–220.

12. Преступление и наказание: эмпирический анализ по данным Казахстана [Электронный ресурс] // Центр исследований прикладной экономики [web-сайт]. – 2019. – URL: <https://aerc.org.kz/articles/ekonomicheskie-issledovaniya/prestuplenie-i-nakazanie> (дата обращения: 05.05.2020).

13. Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [Офиц. сайт]. – 2020. – URL: <https://stat.gov.kz/official/dynamic> (дата обращения: 01.07.2020).

14. Статистические отчеты о зарегистрированных преступлениях и результатах деятельности органов уголовного преследования с 2007 по 2020 гг. [Электронный ресурс] // Комитет по правовой статистике и специальным учетам генеральной прокуратуры Республики Казахстан [офиц. сайт]. – 2020. – URL: <http://pravstat.prokuror.gov.kz/> (дата обращения: 25.06.2020).

15. В Генеральной прокуратуре РК обсуждены вопросы учетно-регистрационной дисциплины в органах внутренних дел [Электронный ресурс]. // Международное информационное агентство «KazInform» [web-портал]. – 2011. – URL: https://www.inform.kz/ru/v-general-noy-prokurature-rk-obsuzhdeny-voprosy-uchetno-registracionnoy-discipliny-v-organah-vnutrennih-del_a2391553 (дата обращения: 25.06.2020).

16. Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 ноября 2007 года № 1039 Об утверждении Плана первоочередных действий по обеспечению стабильности социально-экономического развития Республики Казахстан [Электронный ресурс]. // Zakon.kz [web-портал]. – 2007. – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30141969#pos=0;0 (дата обращения: 29.06.2020).

17. 2008 год: Краткие итоги деятельности Правительства Республики Казахстан [Электронный ресурс]. // Информационный портал Zakon.kz [web-портал]. – 2009. – URL: <https://www.zakon.kz/163731-2008-god-kratkie-itogi-deyatelnosti.html> (дата обращения: 28.06.2020).

18. Kurtz J. Crisis and Crime: Examining the Effect of Macroeconomic Conditions on Criminal Activity During the Great Recession [Электронный ресурс]. // Department of Politics Honors Program New York University [Офиц. сайт]. – 2015. – URL: <https://as.nyu.edu/content/dam/nyu-as/politics/documents/Kurtz.pdf> (дата обращения: 10.07.2020).

19. Назарбаев: В Казахстане нет экономического кризиса [электронный ресурс] // Деловой журнал «Forbes Казахстан» [web-портал]. – 2015. – URL: https://forbes.kz/process/economy/nazarbaev_v_kazahstane_net_ekonomicheskogo_krizisa/ (дата обращения: 11.07.2020).

20. Жанторе К. Кризис 2015: начало [Электронный ресурс]. // Центр деловой информации «Капитал» [web-портал]. – 2015. – URL: <https://kapital.kz/economic/44771/krizis-2015-nachalo.html> (дата обращения: 18.07.2020).

21. Иллюзия поддержки. Выживет ли МСБ после карантина [Электронный ресурс]. // Деловой журнал «Forbes Казахстан» [web-портал]. – 2020. – URL: https://forbes.kz/life/opinion/illyuziya_podderjki_vyijivet_li_msb_posle_karantina/ (дата обращения: 18.07.2020).

22. Антикризисные меры Правительства: возобновление роста экономики и поддержка МСБ карантина [Электронный ресурс]. // Официальный информационный ресурс Премьер-Министра Республики Казахстана [Офиц. сайт]. – 2020. – URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/antikrizisnye-mery-pravitelstva-vozobnovlenie-rosta-ekonomiki-i-podderzhka-msb-862620> (дата обращения: 18.07.2020).

23. Капанова С., Гиззатова А., Янтурсина З. Статистическая характеристика рынка труда Республики Казахстан // Фундаментальные исследования. – 2018. – № 12 (Ч. 2) – С. 255–259.

REFERENCES

1. “Pandemiya i prestupnost': zatish'ye pered burey?” (2020), Central Asia Monitor, available at: <https://>

aerc.org.kz/news/pandemija-i-prestupnost-zatishe-pered-burej (accessed: June 04, 2020) (In Russian).

2. “World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown” (2020), International Monetary Fund, available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (accessed: July 10, 2020).

3. “Bytovoye nasiliye v Kazakhstane: «Vse eto svalilos' na nas bukvallyno za mesyats»” (2020), available at: <https://news.un.org/ru/interview/2020/05/1377672> (accessed: July 08, 2020) (In Russian).

4. “Prestupleniye i nakazaniye: empiricheskiy analiz po dannym Kazakhstana” (2019), Center for Applied Economics Research, available at: <https://aerc.org.kz/articles/ekonomicheskie-issledovaniya/prestuplenie-i-nakazanie> (accessed: May 05, 2020) (In Russian).

5. Raphael, S. and Winter-Ebmer, R. (2001), “Identifying the Effect of Unemployment on Crime”, *The Journal of Law and Economics*, Vol. 44 (1), pp. 259–283, DOI: 10.1086/320275

6. Gould, E., Mustard, D. and Weinberg, B. (2002), “Crime Rates and Local Labor Market Opportunities in The United States: 1979-1997”, *Review of Economics and Statistics*, Vol. 84 (1), pp. 45–61, DOI: 10.2139/ssrn.121969

7. Finklea, K. (2011), “Economic Downturns and Crime”, Congressional Research Service, available at: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R40726.pdf> (accessed: July 05, 2020).

8. Uggen, C. (2012), “Crime and the Great Recession”, The Stanford Center on Poverty and Inequality, available at: https://inequality.stanford.edu/sites/default/files/Crime_fact_sheet.pdf (accessed: July 05, 2020).

9. Cook, P. and Zarkin, G. (1985), “Crime and the Business Cycle”, *The Journal of Legal Studies*, Vol. 14, No. 1, pp. 115–128.

10. Podol'nyy, N. and Podol'naya, N. (2018), “Vzaimosvyaz' urovnya prestupnosti i ekonomicheskoy passivnosti naseleniya na rynke truda”, *Izvestiya VUZov. Volga region. Social Sciences*, No. 1 (45), pp. 57–66 (In Russian).

11. Andriyenko, Yu. (2001), “V poiskakh ob'yasneniya rosta prestupnosti v Rossii v perekhodnyy period: kriminometricheskyy podkhod”, *HSE Economic Journal*, No. 2, pp. 194–220 (In Russian).

12. “Prestupleniye i nakazaniye: empiricheskiy analiz po dannym Kazakhstana” (2019), Center for Applied Economics Research, available at: <https://aerc.org.kz/articles/ekonomicheskie-issledovaniya/prestuplenie-i-nakazanie> (accessed: May 05, 2020) (In Russian).

13. “Osnovnyye sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli Respubliki Kazakhstan” (2020), Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan, available at: <https://stat.gov.kz/official/dynamic> (accessed: July 01, 2020) (In Russian).

14. “Statisticheskiye otchety o zaregistrirrovannykh prestupleniyakh i rezul'tatakh deyatelnosti organov ugolovnogo presledovaniya s 2007 po 2020 gg.” (2020), Committee on Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan, available at: <http://pravstat.prokuror.gov.kz/> (accessed: June 25, 2020) (In Russian).

15. “V General'noy prokurature RK obsuzhdeny voprosy uchetho-registratsionnoy diszipliny v organakh vnutrennikh del” (2011), Mezhdunarodnoye informatsionnoye agentstvo «KazInform» [web-portal]. – available at: https://www.inform.kz/ru/v-general-noy-prokurature-rk-obsuzhdeny-voprosy-uchetno-registratsionnoy-discipliny-v-organakh-vnutrennikh-del_a2391553 (data obrashcheniya: 25.06.2020) (In Russian).

16. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated November 6, 2007 No. 1039 On approval of the Priority Action Plan to ensure the stability of socio-economic development of the Republic of Kazakhstan (2007), available at: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30141969#pos=0;0 (accessed: June 29, 2020) (In Russian).

17. “2008 god: Kratkiye itogi deyatelnosti Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan” (2009), available at: <https://www.zakon.kz/163731-2008-god-kratkie-itogi-deyatelnosti.html> (accessed: June 28, 2020) (In Russian).

18. Kurtz, J. (2015) “Crisis and Crime: Examining the Effect of Macroeconomic Conditions on Criminal Activity During the Great Recession”, Department of Politics Honors Program New York University, available at: <https://as.nyu.edu/content/dam/nyu-as/politics/documents/Kurtz.pdf> (accessed: July 10,

2020).

19. “Nazarbayev: V Kazakhstane net ekonomicheskogo krizisa” (2015), Forbes Kazakhstan, available at: https://forbes.kz/process/economy/nazarbaev_v_kazahstane_net_ekonomicheskogo_krizisa/ (accessed: July 11, 2020) (In Russian).

20. Zhantore, K. (2015), “Krizis 2015: nachalo”, available at: <https://kapital.kz/economic/44771/krizis-2015-nachalo.html> (accessed: July 18, 2020) (In Russian).

21. “Illyuziya podderzhki. Vyzhivet li MSB posle karantina” (2020), Forbes Kazakhstan, available at: https://forbes.kz/life/opinion/illyuziya_podderjki_vyijivet_li_msb_posle_karantina/ (accessed: July 18, 2020) (In Russian).

22. “Antikrizisnyye mery Pravitel'stva: vozobnovleniye rosta ekonomiki i podderzhka MSB karantina” (2020), available at: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/antikrizisnye-mery-pravitelstva-vozobnovlenie-rosta-ekonomiki-i-podderzhka-msb-862620> (accessed: July 18, 2020) (In Russian).

23. Kapanova, S., Gizzatova, A. and Yantursina, Z. (2018), “Statisticheskaya kharakteristika rynka truda Respubliki Kazakhstan”, Basic research, No. 12 (Part 2), pp. 255–259 (In Russian).

IMPACT OF FINANCING OF ANTI-CRISIS PROGRAMS ON CRIME ACTIVITY IN KAZAKHSTAN

S. G. Buyansky¹, A. S. Shenin¹

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of research. This study aims to identify the relationship between the dynamics of criminal activity and economy decline on the example of previous economic crises of 2008-2010 and 2014-2016 as well as the impact of anti-crisis programs on leveling the consequences of crises with the possibility of extrapolating the results to 2020-pandemic.

Methodology. In order to study the prospects for the growth of criminal activity in Kazakhstan, researchers use historical and comparative methods based on official statistics and materials of official bodies.

Originality / value of research. The results obtained help to understand how the crime rate changes during economic crises and what factors influence its dynamics.

Findings. The authors identified the relationship between crime and economic crises in the Republic of Kazakhstan. Surprisingly, but in practice it turned out that in 2008-2010 and 2014-2016 crime went down, not up as it was expected. The only reason to this was the large-scale monetary injections into the economy by the government. Then, after the completion of state programs, crime either increases slightly, or remains at the same high level. At the same time, during the economic crisis under the coronavirus pandemic in 2020 the most popular categories of crime (theft, fraud, plundering and robbery) are also kept on an annual level by the influence of public assistance from the state.

Conclusions can be used by public authorities and the private sector in planning long-term strategies or policies for action.

Keywords: Crime activity, state support, crises, theft, coronavirus.

ДАҒДАРЫСҚА ҚАРСЫ БАҒДАРЛАМАРДЫ ҚАРЖЫЛАНДЫРУДЫҢ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КРИМИНОГЕНДІК БЕЛСЕНДІЛІКKE ТИГІЗЕТІН ӘСЕРІ

С. Г. Буянский¹, А. С. Шенин¹

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты – алынған нәтижелерді 2020 жылғы пандемия оқиғаларына экстраполяциялау мүмкіншілігімен 2008-2010 және 2014-2016 жж. өткен экономикалық дағдарыстар мысалында қылмыстық іс-әрекет динамикасы мен экономикадағы теріс көріністер арасындағы байланысты, және дағдарысқа қарсы бағдарламалардың дағдарыс салдарын теңестіруге әсерін анықтау.

Әдіснамасы. Қазақстандағы қылмыстық әрекеттің өсу перспективаларын зерттеу үшін зерттеушілер ресми статистика мен ресми органдардың материалдары негізінде тарихи және салыстырмалы зерттеу әдістерін қолданады.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Алынған нәтижелер экономикалық дағдарыс кезінде қылмыс деңгейі қалай өзгертетінін және оның динамикасына қандай факторлар әсер ететінін түсінуге көмектеседі.

Зерттеу нәтижелері. Авторлар Қазақстан Республикасындағы қылмыс пен экономикалық дағдарыстардың өзара байланысын анықтады. Сонымен, іс жүзінде 2008-2010 және 2014-2016 жж. қылмыс төмендей бастады, бірақ бұл үрдіс үкіметтен экономикаға ірі көлемдегі ақша қаражаттарын салумен байланысты болды. Содан кейін, мемлекеттік бағдарламалар аяқталғаннан кейін қылмыс аздап өседі немесе бұрынғыдай жоғары деңгейде қалады. Экономикалық дағдарыс кезеңінде, 2020 жылы коронавирустық пандемия жағдайында, құқықбұзушылықтың ең танымал категориялары – ұрлық, алаяқтық, тонау және қарақшылық мемлекет тарапынан көрсетілетін қоғамдық көмек әсерінен ұсталуда.

Ұсыныстар үкіметтер мен жеке сектор ұзақ мерзімді стратегияларды немесе іс-қимыл саясатын жоспарлау кезінде қолданыла алады.

Түйін сөздер: криминогендік белсенділік, мемлекеттік қолдау, дағдарыстар, ұрлық, коронавирус.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Буянский Станислав Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: stanislav.buyansky@narхоз.kz

Шенин Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: andrei.shenin@narхоз.kz